

«Закон термидора» в политической истории России

С. А. Ланцов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Ланцов С. А. «Закон термидора» в политической истории России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 1. С. 24–32. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.103>

В статье говорится о «законе термидора», характерном для всех великих революций. Автор констатирует, что после периода радикального разрушения прежних устоев наступает период, когда обнаруживается тенденция полного или частичного восстановления разрушенных ранее порядков, институтов и отношений. Эту тенденцию называют, по аналогии с событиями Великой французской революции, «законом термидора». В статье отмечается, что после Октябрьской революции в России Ленин и другие вожди большевиков постоянно опасались наступления «термидора», который они понимали как победу контрреволюции. Чтобы этого избежать, большевики стремились максимально радикализировать проводившиеся ими преобразования, а после провала политики «военного коммунизма» пытались осуществить «самотермидоризацию» в форме новой экономической политики. Однако избежать возвратной волны большевикам не удалось. По мнению Л. Троцкого, одного из вождей Октябрьской революции, «термидором» для нее стало установление сталинского режима. Признаки «термидора» Троцкий видел в возрождении ряда общественных устоев, разрушенных в революционные годы. В статье отмечается, что применительно к сталинскому периоду можно говорить о «мнимом термидоре», поскольку от главных целей Октябрьской революции Сталин не отказался. Но возникновение сталинского режима, отбросившего многое из изначальной революционной практики большевиков, стало следствием действия «закона термидора». В статье говорится о том, что действие этого же закона проявилось в период политических и экономических изменений в СССР и России в конце XX — начале XXI в.

Ключевые слова: революция, закон термидора, Ленин, Троцкий, Каутский, Сталин, перестройка.

Существование «закона термидора» было обосновано американским социологом К. Бринтоном в работе «Анатомия революции» накануне Второй мировой войны. Как и другие исследователи великих революций, К. Бринтон полагал, что вслед за стадией радикализации революционного процесса, или революционного прилива, следует стадия отката революционной волны, или отлива. В результате общество возвращается в состояние, близкое к прежнему, существовавшему в предреволюционный период. Основываясь на анализе событий Великой французской революции, К. Бринтон обозначил такой разворот революционного процесса вспять «законом термидора». Он считал, что «термидор приходит в общества, охваченные революцией, так же естественно, как морской отлив, как затишье после шторма,

как выздоровление после лихорадки, как разрыв до предела натянутой струны» [1, р. 258].

Этот закон можно истолковывать по-разному. Под «термидором» понимают победу противостоящих революционерам сил, т. е. победу контрреволюции вплоть до полной реставрации дореволюционных порядков. «Термидором» можно считать и откат революционной волны при сохранении преемственности с прошедшим революционным периодом в целом, но возрождении некоторых отношений, институтов и духовных ценностей, отвергнутых на радикальной стадии революции. Так, вслед за термидорианским переворотом во Франции сложился режим Наполеона, в котором сочетались элементы как дореволюционного, так и революционного периодов. Полная реставрация старого политического порядка произошла во Франции после поражения Наполеона Бонапарта в войне против коалиции европейских монархических государств.

«Термидор» объективно детерминирован тем, что общество не может постоянно находиться в состоянии возбуждения и экзальтации, характерном для революционных периодов. Вслед за этапом разрушения должен наступать этап созидания. И на этом этапе место прежних лидеров занимают новые, способные успешно решать задачи созидательного периода. Многие идеи, вдохновлявшие массы в начале революционных событий, оказываются несбыточными, утопическими, не проходят проверки временем. Однако такие идеи не отвергаются полностью, а адаптируются и модифицируются применительно к реальным условиям. Попытка реализации утопических идей может дать совсем иной результат, который не будет совпадать с изначальным замыслом (см.: [2, с. 98–106]).

Русская революция 1917 г. свершилась через сто с лишним лет после Великой французской революции. Тем не менее участники революционных событий в России постоянно сравнивали их с событиями конца XVIII в. во Франции. Для радикальных революционеров, особенно для большевиков, навязчивой идеей стала угроза возможного «термидора». Для того чтобы его избежать, большевики после октября 1917 г. стремились постоянно продвигаться вперед в проводившихся преобразованиях для того, чтобы в случае термидорианского отката не все завоевания революции были отвергнуты. Когда стало ясно, что политика «военного коммунизма» провалилась, В. Ленин предложил перейти к новой экономической политике. Но, по его собственному признанию, это была попытка «самотермидоризации» с тем, чтобы избежать настоящего «термидора». Однако опасности на пути реализации изначальных замыслов вождей Октябрьской революции В. Ленина и Л. Троцкого таились не там, где они думали. Об этом один из лидеров и идеологов II Интернационала и германской социал-демократии К. Каутский предупреждал еще в 1919 г.: «Правительству Ленина угрожает 9-е термидора. Но может случиться иное. История не повторяется. Правительство, ставящее перед собой недостижимую в данной обстановке цель, может потерпеть крушение двоякого рода: оно или будет свергнуто, или будет держаться и падет со своей программой, или может утвердиться, если соответственно будет изменять свою программу (и), в конце концов, откажется от нее. Для *дела* на одном пути, как и на другом, — тот же результат, т. е. тот же провал. Но для участвующих *лиц* огромная разница: удержат ли они в своих руках государственную власть или, как поверженные знаменитости, будут выданы на расправу врагам.

Робеспьер пал 9 термидора. Но не все якобинцы разделили его участь. Умным подлаживанием к обстоятельствам многие из них поднялись высоко. Сам Наполеон принадлежал к террористам, был в дружбе с братьями Робеспьер. <...>

Не только отдельные люди, но и целые партии могут видоизменяться и таким путем выбираться из отчаянного положения со здоровой головой, даже с властью и почетом. Не исключена возможность того, что крах коммунистических опытов в России заставит и большевизм изменить свою окраску и сохранить его как правительствующую партию от гибели. На путь этот он уже вступил. Как истинные реальные политики, большевики за время своего господства показали большое искусство приспособления к обстоятельствам» [3, с. 151]. К. Каутский оказался прав. Большевицкая диктатура, взявшись за решение практических задач, вставших после захвата власти, неизбежно должна была изменить свою первоначальную сущность. Время утопий прошло, и пришло время конкретных дел. Это конкретное дело — прежде всего превращение отсталой аграрной страны в современное индустриальное общество. Первоначальный революционный режим должен был неминуемо уступить свое место новому, и этот новый дал совершенно неожиданную для большевиков форму «термидора». Речь идет о диктатуре Сталина, выросшей из недр аппарата самой большевистской партии.

Решение практических задач по управлению огромной страной и ее модернизации объективно требовало адекватных политических форм, и в этом заключается глубинная причина трансформации постреволюционного режима в традиционном для России направлении. «Коммунизм в период сталинизма, — писал в связи с этим Н. Бердяев, — не без основания может представляться продолжением дела Петра Великого. Советская власть есть не только власть коммунистической партии, претендующей осуществить социальную правду, она есть также государство и имеет объективную природу всякого государства, она заинтересована в защите государства и его экономическом развитии, без которого власть может пасть. Всякой власти присущ инстинкт самосохранения, которое может стать главной целью. Сталин — государственный восточного, азиатского типа» [4, с. 120].

По мере того как шло возвышение Сталина, среди старой «ленинской гвардии» зрело беспокойство, но все же никто не мог догадываться о всех реальных результатах установления сталинской диктатуры. Когда же она окончательно стала фактом, то многие из видных представителей большевистской элиты, отстраненных Сталиным от власти, увидели в ней прямое отрицание их представлений о новом обществе и о путях его достижения. Наиболее активную, правда, безуспешную войну со Сталиным вел «второй вождь» Октября Л. Троцкий. В Сталине Троцкий видел олицетворение «термидорианского переворота», похоронившего завоевания Октябрьской революции. Основой такого «термидора» было, по мнению Троцкого, утверждение всевластия бюрократии, занявшей место старых эксплуататорских классов, а его персональным выражением — Сталин.

«Было бы наивностью думать, — писал Троцкий, — будто неведомый массам Сталин вышел внезапно из-за кулис во всеоружии законченного стратегического плана. Нет, прежде еще, чем он нащупал свою дорогу, бюрократия нащупала его самого. Сталин приносил ей все нужные гарантии: престиж старого большевика, крепкий характер, узкий кругозор и неразрывную связь с аппаратом как единственным источником собственного влияния. Успех, который на него обрушился,

был на первых порах неожиданностью для него самого. Это был дружный отклик нового правящего слоя, который стремился освободиться от старых принципов и от контроля масс и которому нужен был надежный третейский судья в его внутренних делах. Второстепенная фигура... Сталин обнаружил себя как беспорный вождь термидорианской бюрократии, как первый в ее среде» [5, с. 41].

Портрет Советского Союза, создаваемый Троцким, отражал не столько объективную реальность, сколько представления о ней вождя IV Интернационала в рамках его концепции мировой революции. Исходя из этой концепции, Троцкий был уверен в том, что капитализм обречен на гибель под напором всемирной пролетарской революции, которая будет, как пожар, охватывать одну за другой все страны мира. В наиболее развитых странах, где максимально обострились внутренние противоречия, пролетарские революции, считал Троцкий, будут наиболее последовательными. И победа пролетариата в передовых государствах поможет успеху революций в менее развитых.

В социалистической революции Троцкий видел единственный путь преодоления экономической отсталости. Характеризуя успехи первых пятилеток, он отмечал: «Гигантские достижения в промышленности, многообещающие начала в сельском хозяйстве, чрезвычайный рост старых промышленных городов и строительство новых, быстрое увеличение числа рабочих, подъем культурного уровня и культурных потребностей — таковы несомненные результаты Октябрьской революции, в которой пророки старого мира старались увидеть могилу человеческой цивилизации» [6, р. 15–16]. В то же время Троцкий реалистично оценивал отставание советской экономики в главном — в уровне производительности труда. Критикуя ошибки советского руководства в экономической политике, он объяснял хозяйственное отставание Советского Союза от развитых государств мира прежде всего отсталостью России в прошлом.

Следует отметить, что отрицательное отношение к своему наследию было характерно для большинства революционеров в России. Старая культура многим из них казалась лишь препятствием на пути прогрессивного развития страны. И Л. Троцкий, по оценке американского политолога Дж. Хара, «проявлял особое рвение в своем стремлении доказать ничтожность русского вклада в цивилизацию» [7, р. 112]. В написанной им истории Октябрьской революции Л. Троцкий утверждал, что Россия «приговорена самой природой на долгую отсталость», что дореволюционная культура России «явилась лишь поверхностной имитацией высших западных моделей и ничего не внесла в сокровищницу человечества» [8, р. 1, 484]. Только в кардинальной вестернизации страны Троцкий видел возможность вывода ее на путь мировой цивилизации. Он считал, что подготовительный этап, в течение которого советский строй будет «импортировать, занимать и осваивать культурные достижения Запада... займет целый исторический период» [6, р. 26–27].

Троцкий считал, что главная цель социалистического строительства — ускорить пролетарскую революцию в Европе. Роль народов Советского Союза, по мнению Троцкого, в развитии мирового социализма в любом случае была бы вспомогательной, подчиненной. Социалистическая революция в СССР имела смысл лишь постольку, поскольку она могла способствовать мировой революции. Однако, по мнению Троцкого, развитию мировой революции мешали процессы, происходившие в массовом сознании советских людей. «Классы, сформированные в варвар-

ских условиях царизма и отсталого капитализма», в том числе и «пролетариат, все еще отсталый во многих отношениях», не смогли долго выдержать напряжения революции. Усталость масс, «чрезвычайный взрыв надежд и доверия по отношению к мелкобуржуазным слоям города и деревни, вызванных к жизни нэпом», привели к ослаблению веры в мировую революцию. Настроения социальных слоев отразились и на руководстве страны. Троцкий утверждал, что, опираясь на передовых рабочих СССР, «десятки тысяч революционных борцов сплотились вокруг знамени большевиков-ленинцев», бюрократия сумела погасить революционный порыв трудящихся масс [6, р. 90, 92]. Полностью осудив политику, проводимую правительством СССР в 1923–1928 гг., которая, по его мнению, задержала индустриализацию, Троцкий не одобрял курс Сталина и после отказа от нэпа. Он иронизировал по поводу того, как Сталин, высмеивавший планы «сверхиндустриализации», выдвинутые оппозицией в 1927 г., как нереалистичные, через год сам поддержал аналогичную программу.

В трудящихся Троцкий видел лишь будущих солдат мировой революции, которые должны, усвоив необходимые правила гигиены, содержаться в казарменных условиях, ожидая сигнала к бою. Он осуждал меры, предпринятые в 1930-е годы по укреплению института семьи. Троцкий утверждал, что революция стремилась разрушить так называемый «семейный очаг», который был для него «архаическим, затхлым, прогнившим» институтом. Возмущаясь тем, что под лозунгом борьбы с леваческими искривлениями морали в вопросах семьи, сталинское руководство отвергло «азбучные основы» коммунизма, Троцкий иронизировал над «реставрацией седьмой заповеди» (не прелюбодействуй) в морали советского общества.

Другой объект его возмущения — то, что он назвал «реставрацией пятой заповеди» (чти отца своего). «Забота об авторитете старшего поколения» вызывала тревогу у Троцкого. Молодежь должна была, по его представлениям, сыграть важную роль в борьбе против сталинского руководства. Л. Троцкий так характеризовал настроения советской молодежи середины 1930-х годов: «Здоровым молодым легким невыносимо дышать в атмосфере лицемерия, неотделимой от термидора, от реакции, которая все еще вынуждена носить одежды революции. Вопиющий разрыв между социалистическими лозунгами и реальной жизнью подрывает веру в официальные каноны. Значительная прослойка молодежи гордится своим презрением к политике, своей грубостью и хулиганским поведением... Наиболее нетерпеливые люди с горячей кровью, неуравновешенные, чьи интересы и чувства задеты, поворачивают свои мысли к террористическому мщению» [6, р. 275].

Оторванный от советской действительности Л. Троцкий плохо понимал, что происходит на родине, нередко выдавал желаемое за действительное и своими провокационными, по сути, заявлениями и призывами давал повод для сталинских репрессий в отношении ни в чем не виновных людей. Критика со стороны Троцкого определялась не столько принципиальными разногласиями со Сталиным, сколько личной неприязнью и обидой за изгнание с советского политического Олимпа. Многие элементы в структуре сталинского режима были заложены еще при участии Троцкого.

Уместно вспомнить, что, оказавшись в годы гражданской войны во главе Красной армии, Троцкий способствовал возрождению традиционных принципов воинской дисциплины и субординации, отвергнутых в первые месяцы революции.

Троцкий весьма преуспел и в создании бюрократического аппарата, вопреки первоначальной ленинской концепции «полугосударства» [9]. Но термин «термидор» для характеристики деятельности этого режима Троцкий во многом применял оправданно. Сталин не был могильщиком Октябрьской революции, он был ее продолжателем в новых исторических условиях. И как реальный политик Сталин неизбежно вынужден был отказываться от части наследия раннего революционного периода. Более того, при Сталине стали восстанавливаться некоторые общественные устои, подорванные в первые годы после Октябрьской революции, в частности многие традиционные моральные нормы, обеспечивающие нормальное функционирование общества. По поводу реставрации этих норм, как отмечалось выше, иронизировал Троцкий. Уже после убийства Троцкого в Советском Союзе были возрождены некоторые символы и традиции, считавшиеся в первые революционные годы отжившими и реакционными. Так, в годы Великой Отечественной войны были «реабилитированы» идеи русского патриотизма, стали прославляться великие полководцы дореволюционной России А. В. Суворов и М. И. Кутузов. Тогда же в Красной армии были восстановлены практически те же знаки различия, которые существовали до революции.

В еще большей степени тенденция возвращения отвергнутых в революционные годы традиций проявилась во внешней политике Советского Союза. Если во времена деятельности Ленина и Троцкого внешняя политика базировалась на концепции мировой революции, то после смерти первого и отстранения от власти второго советская внешняя политика постепенно становилась более прагматичной и осторожной. Вопреки обвинениям Троцкого Сталин не отказался от идеи мировой революции, но соединил эту идею с традиционными целями внешней политики дореволюционной России. Это стало особенно явно накануне и после Великой Отечественной войны, когда к СССР были присоединены территории, утраченные после Брестского мира, и территории, на которые в прошлом претендовала царская Россия.

Конечно, никакого «термидорианского переворота» в его подлинном смысле Сталин не совершал. Более того, с конца 20-х годов он вернулся к радикальной социально-экономической политике, отказавшись от НЭПа. Но в духовной жизни советского общества и в сфере семейно-брачных отношений некоторый возврат к отторгнутым в революционные годы ценностям наблюдался.

Нечто подобное повторилось, на наш взгляд, спустя много десятилетий в условиях постсоветской трансформации современной России. По степени радикальности общественных изменений, происшедших в годы перестройки и постперестройки, их можно обозначить как революционные. Прежняя, советская политическая и экономическая система была разрушена, вместе с ней распался и Советский Союз, повторив судьбу Российской империи. Конец 80–90-х годов XX в. в отечественной истории можно, в зависимости от ценностных ориентаций, назвать и контрреволюцией, подлинным «термидором», но можно назвать и новой революцией. Это была революция антикоммунистическая, проходившая под демократическими и либеральными лозунгами. В ней мы видим целый ряд характеристик, объединяющих все революции. С российскими революциями начала XX в. годы перестройки, кроме прочего, схожи некоторыми особенностями политического сознания и поведения отечественной интеллигенции.

В частности ее отношением к государству и его институтам. Дореволюционная интеллигенция в своей массе негативно относилась к самодержавному государству, что было определено П. Струве как ее «отщепенчество». «Идейной формой русской интеллигенции, — отмечал он, — является ее отщепенчество, ее отчуждение от государства и враждебность к нему» [10, с. 139].

Такое отщепенчество, кроме всего прочего, нашло свое выражение в том, что и социалистическая, и либеральная интеллигенция приветствовала и поддерживала любые антиправительственные движения, в том числе и откровенно сепаратистские и национал-шовинистические. Русские интеллигенты оказывали национал-сепаратистам такой прием, которого они никак не ожидали, что, впрочем, не приводило к взаимности (об этом вспоминал И. Бунин в «Окаянных днях»). Усилиями различных радикальных течений прежняя государственность была разрушена, что в итоге привело общество к болезненным потрясениям, а саму русскую интеллигенцию — к гибели в той форме, в которой она сложилась в дореволюционной России.

Через много десятилетий, уже в условиях перестройки можно было вновь наблюдать феномен «отщепенчества», проявляющийся в негативном отношении к государственности советского типа. Так же как и их предшественники периода революции 1917 г., во времена перестройки представители «демократической общности» Москвы и Ленинграда, не задумываясь о последствиях, выражали свою солидарность с сепаратистами Прибалтики и украинскими националистами.

Идеологические ориентации дореволюционной и позднесоветской интеллигенции кажутся противоположными только на первый взгляд. Хотя среди дореволюционной интеллигенции преобладало увлечение радикально-социалистическими идеями, а в условиях последнего этапа перестройки стали модными антикоммунистические настроения, общим и в том, и в другом случае является отторжение, неприятие господствовавших в государстве и в обществе духовных ценностей. Еще более сближает радикальную интеллигенцию дореволюционного и перестроечного периодов склонность к крайностям, характерная для русской политической культуры в целом. Различие состояло только в том, что если в начале XX в. в России восторжествовала наиболее радикальная версия марксизма, то в его конце — не менее радикальная версия либерализма.

Со времени формирования политической и экономической системы современной России прошло уже четверть века. Созданные в те годы экономические и политические институты функционируют и сегодня. Однако политический режим и общественная атмосфера в нашей стране в конце второго десятилетия XXI в. существенным образом отличаются от политического режима и общественной атмосферы 90-х годов прошлого столетия. Если в 90-е годы власть стремилась легитимировать себя на основе либеральных ценностей, то сегодня само понятие «либерализм» используется в негативном смысле в официальных средствах массовой информации. Наиболее заметны перемены в области внешней политики, где на место безоглядной ориентации на «демократический и либеральный» Запад времен дипломатии министра иностранных дел Российской Федерации А. Козырева пришла жесткая конфронтация с ним, напоминающая худшие годы холодной войны. Речь не идет о восстановлении всего «советского», однако, так же как и в 30-е годы XX в., возвращаются отдельные отвергнутые в период либеральных реформ тради-

ции. Опять мы стали свидетелями действия «закона термидора». Существование этого закона указывает на то, что революции не являются оптимальными формами общественных изменений, поскольку периодически происходит возвращение к тому, что они изначально отвергают.

Литература

1. *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. New York: W. W. Norton & Co., 1938. 326 p.
2. Полякова Н. В. «Закон Термидора»: традиции и новации // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. Вып. 3. 2014. С. 98–106.
3. Каутский К. Терроризм и коммунизм // Полис. Политические исследования. 1991. № 2. С. 146–154.
4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. Репринтное воспроизведение издания «УМСА-PRESS» Париж. — Москва: Наука, 1990. 224 с.
5. Троцкий Л. Д. Термидор // Новое время. 1990. № 32. С. 40–43.
6. *Trotsky L.* The Revolution Betrayed. What is the Soviet Union and Where is it going? London: Faber and Faber, 1937. 312 p.
7. *Hough J.* How the Soviet Union is Governed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979. 693 p.
8. *Trotsky L.* The Russian Revolution. New York: Anchor, 1959. 524 p.
9. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 33: Август — сентябрь 1917. С. 1–120.
10. Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи; Интеллигенция в России: сб. статей. 1909–1910 / сост. Н. Казакова. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 136–152.

Контактная информация:

Ланцов Сергей Алексеевич — д-р полит. наук, проф.; s_lantsov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31 октября 2017 г.

Статья рекомендована в печать 5 декабря 2017 г.

“The law of Thermidor” in the political history of Russia

Lantsov Sergey A.

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Lantsov S. A. “The law of Thermidor” in the political history of Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations*, 2018, vol. 11, issue 1, pp. 24–32. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.103>

The article refers to the “Thermidor law”, characteristic of all great revolutions. The author states that after a period of radical destruction of the old foundations, a period of full or partial restoration of the previously destroyed orders, institutions and relations begins. This trend is called, by analogy with the events of the Great French Revolution, “the law of the Thermidor”. The article notes that after the October Revolution in Russia, Lenin and other leaders of the Bolsheviks constantly feared the offensive of the “Thermidor”, which they understood as the victory of the counter-revolution. To avoid this, the Bolsheviks strived to maximally radicalize their transformations, and after the failure of the policy of “war communism” they tried to implement “self-thermidorization” in the form of a New Economic Policy. However, the Bolsheviks failed to avoid a return wave. According to L. Trotsky, one of the leaders of the October Revolution, the “thermidor” was the establishment of the Stalinist regime. Trotsky

saw signs of the Thermidor in the revival of a number of social principles destroyed during the revolutionary years. It is noted in the article that, with reference to the Stalin period, one can speak of an “imaginary thermidor”, since Stalin did not refuse the main goals of the October Revolution, but the emergence of the Stalinist regime, from the original revolutionary practice of the Bolsheviks, was the result of the action of the “Thermidor law”. The article states that the effect of the same law was manifested in the period of political and economic changes in the USSR and Russia in the late 20th and early 21st century.

Keywords: revolution, the *Thermidor law*, Lenin, Trotsky, Kautsky, Stalin, perestroika.

References

1. Brinton C. *The Anatomy of Revolution*. New York, W. W. Norton & Co., 1938. 326 p.
2. Poliakova N. V. «Zakon Termidora»: traditsii i novatsii [“The law of Thermidor”: traditions and innovations]. *Vestnik St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political science. Right. International relations*, issue 3, 2014, pp. 98–106. (In Russian)
3. Kautsky K. Terrorizm i kommunizm [Terrorism and Communism]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1991, no. 2, pp. 146–154. (In Russian)
4. Berdiaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p. (Reprinted ed. of the publication: Berdiaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. Paris, YMCA-PRESS, 1955). (In Russian)
5. Trotsky L. D. Termidor [Thermidor]. *Novoe vremia*, 1990, no. 32, pp. 40–43. (In Russian)
6. Trotsky L. *The Revolution Betrayed. What is the Soviet Union and Where is it going?* London, Faber and Faber, 1937. 312 p.
7. Hough J. *How the Soviet Union is Governed*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1979. 693 p.
8. Trotsky L. *The Russian Revolution*. New York, Anchor, 1959. 524 p.
9. Lenin V. I. Gosudarstvo i revoliutsiia [State and Revolution]. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected Works] 5th ed. Vol. 33 (August — September 1917). Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1969, pp. 1–120. (In Russian)
10. Struve P. B. *Intelligentsiia i revoliutsiia* [Intellectuals and revolution]. *Vekhi; Intelligentsiia v Rossii: Sbornik statei. 1909–1910* [Milestones; Intellectuals in Russia: Collection of articles. 1909–1910]. Comp. by N. Kazakova. Moscow, Molodaia gvardiia, 1991, pp. 136–152. (In Russian)

Author's information:

Lantsov Sergey A. — Doctor of Political Science, Professor; s_lantsov@mail.ru